

Уорд Мей Олден

**Три биографии: Томас
Карлейль, Джон Рескин, Лев
Толстой**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
М41

М41 **Мей Олден У.**
Три биографии: Томас Карлейль, Джон Рескин, Лев Толстой / Уорд Мей Олден – М.: Книга по Требованию, 2025. – 169 с.

ISBN 978-5-519-78292-0

ISBN 978-5-519-78292-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

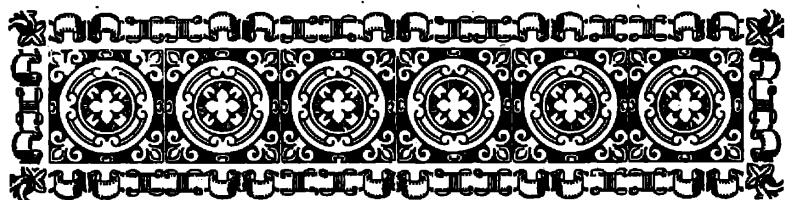
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint



ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагая русской публикѣ этотъ переводъ небольшой, но весьма содержательной, книги М. Alden Ward'a, считаю нелишнимъ объяснить, почему, вмѣсто англійскаго заглавія: „The Prophets of the XIX Century“, т. е. „Пророки XIX-го столѣтія“, я поставилъ въ русскомъ переводѣ просто: „Три Биографіи“.

Я не буду касаться здѣсь, въ этихъ немногихъ строкахъ, насколько, и въ чемъ именно, сложившееся у насъ, въ текущей литературѣ и въ общественномъ быту, представленіе о „пророкѣ“ уклонилось отъ первоначальнаго библейскаго понятія. Для насъ, въ общепринятомъ значеніи, это представленіе, несомнѣнно, рисуетъ образъ духовнаго вождя и проповѣдника, имѣющаго, при огромной нравственной высотѣ личнаго характера, еще и даръ и мощь, въ исполненіе завѣтовъ Божіихъ, „глаголомъ жечь сердца людей“. Русская лирика оставила намъ, устами не одного, а нѣсколькихъ нашихъ поэтовъ, дивныя по внутренней силѣ и красотѣ изображенія такихъ духовныхъ вселенскихъ учителей.

Несомнѣнно также, что всѣ три человѣка, біографіи которыхъ входятъ въ настоящую книгу, имѣютъ, хотя и въ разной степени, право на названіе такихъ духовныхъ вождей своего народа, а черезъ него и всего человѣчества. Но я не могъ не остановиться на томъ, что, въ теченіи XIX-го столѣтія, и другія имена, кромѣ Карлейля, Рёскина и Толстого, могли бы быть, не безъ основанія, приведены въ качествѣ такихъ духовныхъ наставниковъ своей эпохи. Не говоря уже о Гёте, на котораго указываетъ и самъ англійскій авторъ (стр. 100 и 155 русскаго перевода), врядъ ли такое значеніе можно, въ истекшемъ столѣтіи, оспаривать—и это несмотря на изъяны и грѣховность ихъ личныхъ характера и жизни—хотя бы у Байрона, котораго Пушкинъ называетъ „властителемъ нашихъ думъ“,—или у Шопенгауэра, философію жизни котораго, наравнѣ съ философіей Сократа, Будды и Соломона, такъ тщательно разсматриваетъ и взвѣшиваетъ самъ Толстой.

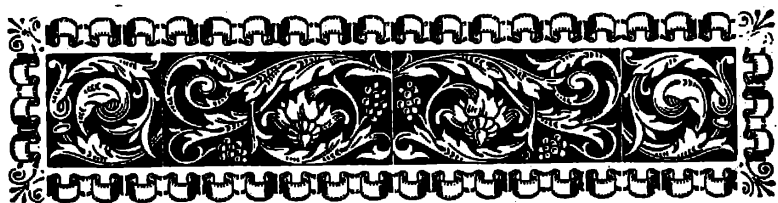
Такимъ образомъ, данное англійскимъ авторомъ своему сочиненію названіе казалось мнѣ и слишкомъ общимъ, и недостаточно опредѣлительнымъ.

Затѣмъ, для меня, какъ русскаго, ярче сказывалась и рельефнѣе, нежели для англійскаго автора, выступала несоизмѣримость выводимыхъ имъ шотландскаго, хотя бы и гениальнаго, историка—Карлейля и первокласснаго художественнаго критика и утописта Рёскина—тоже шотландца—съ могучимъ славянскимъ писателемъ, великаномъ творчества и мысли, къ чьимъ грознымъ обличеніямъ трепетно и напряженно прислушивается цѣлый міръ. Ибо Толстой—какъ бы ни относиться къ его

ученію во всей цѣлости онаго—есть прежде всего обличитель, безсмертный свѣточъ и будильникъ совѣсти, величайшій изъ бывшихъ доселѣ во всемірной литературѣ. Русскій читатель предлагаемаго сочиненія самъ скоро, и помимо сдѣланныхъ англійскимъ авторомъ въ его предисловіи указаній,—найдетъ тѣ [родственные связующія черты, которыя соединяють британскихъ моралистовъ съ великимъ русскимъ проповѣдникомъ, но—какъ бы тепло и увлекательно ни были написаны англійскимъ авторомъ біографіи родныхъ ему дѣятелей—для русскаго читателя, конечно, сразу стануть ясны—и сравнительная разница ихъ духовнаго горизонта съ великимъ русскимъ гениемъ, и все, отдѣляющее ихъ отъ всеобъемлющаго захвата послѣдняго, разстояніе.

Имѣющіяся въ біографіи гр. Л. Н. Толстого выписки изъ его сочиненій напечатаны мною по тщательной свѣркѣ съ совершенно *достовернымъ ихъ спискомъ*.

И. С. Дурново.



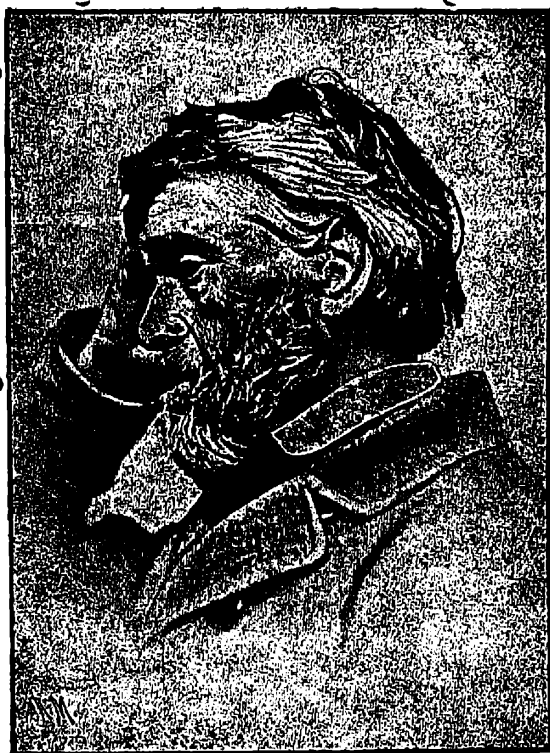
ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ АНГЛІЙСКОМУ ПОДЛИННИКУ.

Карлейль передъ смертію сказалъ, что Джонъ Рёскинъ — единственный человекъ въ Англіи, несущій въ будущность его собственныя, Карлейля, идеи; а Рёскинъ не такъ давно говорилъ, что графъ Толстой—единственный человекъ во всемъ мірѣ, дѣйствительно стоящій на почвѣ того же движенія, которое попытался возбудить онъ самъ—Рёскинъ. Невольно возникаетъ вопросъ, существуетъ ли преемственная связь между этими тремя людьми, столь различными по ихъ внешней обстановкѣ. Что касается двухъ первыхъ—связь эта не подлежитъ сомнѣнію,—она была и непосредственная и органическая. Карлейлю было уже 24 года въ моментъ рожденія Рёскина, и значеніе перваго достигло уже своего апогея, когда Рёскинъ еще только выпустилъ свои первые, создавшіе ему репутацію, труды объ искусствѣ. За весь этотъ періодъ времени, вліяніе Карлейля постепенно и не-

удержимо захватывало Рёскина и, къ сорокалѣтнему его возрасту, достигло такой силы, что онъ призналъ за лучшее отказаться отъ своихъ прежнихъ твореній и выступить на новую дорогу. Онъ прекратилъ дальнѣйшія изданія своихъ сочиненій по искусству, несмотря на то, что въ нихъ ничто не возбуждало въ немъ раскаянія, но лишь потому, что они стояли въ противорѣчій съ ученіемъ Карлейля. Оба—какъ тотъ, такъ и другой, они работали въ одномъ направленіи, хотя и по различному способу. Рёскинъ лишь убѣдился, что способъ Карлейля вѣрнѣе и ближе ведетъ къ цѣли, и весь отдался затѣмъ своимъ опытамъ совершенствованія людей на экономической почвѣ, путемъ улучшенія ихъ обстановки. Этой цѣли онъ радостно посвятилъ свое частное, довольно крупное, состояніе, достигавшее до милліона долларовъ, полученное имъ по наслѣдству отъ отца. Въ этихъ поступкахъ Рёскина мы видимъ близкую аналогію съ жизнью и ученіемъ Толстого, хотя связь послѣдняя съ западными учителями и не столь непосредственная, какъ ихъ между собою. Она, повидимому, не необходима органически, но тѣмъ не менѣе, несомнѣнна, ибо духовное единеніе, на почвѣ общности мыслей, само по себѣ порождаетъ почти неразрывный союзъ.

Въ такомъ-то союзѣ объединены эти три чело-

вѣка,—три реформатора общества, влекущіе его къ высшей жизни, и—несмотря на различіе вѣмѣстахъ ихъ дѣйствія—почти къ одной и той же цѣли. Исторія ихъ жизни раскрываетъ современемъ, путемъ какой духовной борьбы пришли они къ своимъ ученіямъ, но уже и нынѣ не можетъ быть сомнѣнія, что ученія эти были для нихъ откровеніемъ, которое они провозглашали со всей искренностью, на которую только способенъ человекъ...



Томасъ Карлейль.

Томасъ Карлейль
и его „евангеліе труда“.

